

В статье рассматривается важный для творчества Ле Корбюзье исторический прототип – картезианский монастырь Chartreuse d'Ема (Шартрез д'Эма) в Галуццо. Анализируется формальное и символическое влияние архитектуры монастыря на формирование концептуальных основ жилищной архитектуры Ле Корбюзье, а также воспроизведение характерных особенностей архитектуры монастыря в проекте Immeuble-villas.

Ключевые слова: Ле Корбюзье; жилище; картезианский монастырь; Эма. /

The article examines an important historical prototype for Le Corbusier's work – the Carthusian monastery in Galuzzo. It also analyzes the formal and symbolic influence of the monastery's architecture on the formation of the conceptual foundations of Le Corbusier's residential architecture, as well as the reproduction of the characteristic features of the monastery's architecture in the Immeuble-villas project.

Keywords: Le Corbusier; dwelling; the Carthusian monastery; Ema.

Chartreuse d'Ема как архетип современного массового жилища / Chartreuse d'Ема as an archetype of modern mass housing

текст
Петр Завадовский
Московский
архитектурный институт
text
Petr Zavadovsky
Moscow Architectural
Institute

Наиболее актуальной частью наследия Ле Корбюзье сегодня остается его жилищная архитектура. Кажется, время не лечит вызываемых ею страстей: не ослабляет ни восхищения преданных почитателей, ни проклятий непримиримых ненавистников. Этот спор просочился даже в высокую литературу вроде известной строфы из «Роттердамского дневника» Иосифа Бродского [1]:

У Корбюзье то общее с люфтваффе,
что оба потрудились от души
над переменной облика Европы.
Что позабудут в ярости циклопы,
то трезво завершат карандаши.

Наследие Корбюзье продолжает влиять и на текущую проектную практику. Реже – как осознанное культивирование корбюзианской стилистики, порой с впечатляющими результатами. Гораздо чаще – путем безрефлексивного воспроизведения формальных мотивов, превратившихся в утратившие авторство и исходный смысл клише. К примеру, немногие отдадут себе отчет в том что, корбюзианские корни имеют и мода последних десятилетий на пиксельную пестроту, и многие привычные сегодня архитектурные термины. Все это делает понятным и неослабевающий исследовательский интерес к творчеству Ле Корбюзье, казалось бы давно изученному вдоль и поперек. В последние десятилетия, когда «рационалистические» установки раннего модернизма утратили прежний фанатичный накал, стал возможен разговор о ранее игнорировавшихся сторонах творчества Ле Корбюзье, а именно о глубокой укорененности Мастера в истории и архитектурном наследии – качестве, не входящем в перечень добродетелей архитектора-модерниста и вступающем в противоречие со сложившимся имиджем Ле Корбюзье как бескомпромиссного новатора.

Античные реминисценции в творчестве Ле Корбюзье уже были нами ранее затронуты [2]. Сейчас же постараемся показать, что не меньшее значение для французского мастера имели средневековые образцы. И первый из них – картезианский монастырь в Галуццо, который стал отправной точкой в развитии корбюзианского массового жилища – от Immeuble-villas 1922 года до послевоенной Unite d'Habitation (фр. жилая единица) – одной из основных линий эволюции многопланового творчества

архитектора, части творчества Ле Корбюзье, оказавшей наибольшее воздействие не только на архитектуру модернизма, но и на культуру и экономику XX столетия вообще.

Речь пойдет о картезианском монастыре в Галуццо, городке, век назад располагавшемся в окрестностях Флоренции, а сегодня вошедшем в черту города. Основанный в XIV веке, комплекс монастыря был в основном завершен к XVII столетию. Мы постараемся понять, какие именно чувства и мысли вызывал этот памятник архитектуры в уме и душе 19-летнего Шарля-Эдуара Жаннере-Гри и в чем он сам видел исходный смысл концепций, которые десятилетие спустя, уже под «ником» Ле Корбюзье, разрекламировал в качестве «машины для жилья».

Пояснения требует название монастыря. Статья в «Википедия», как и другие сетевые ресурсы, именуют монастырь «Чертоза-ди-Галуццо» или «Чертоза-ди-Фиренце». Путеводители начала XX века, которыми пользовался молодой Жаннере, писали о «Чертоза ди валь д'Эма» – «картезианском монастыре в долине реки Эма». В текстах Ле Корбюзье фигурирует «Шартрез д'Эма» или просто «Эма». Поскольку в статье пойдет речь не о самом памятнике, а о факторе творчества Ле Корбюзье, о понятии-символе в контексте творчества архитектора, именно «Шартрез д'Эма» вынесено в заголовок статьи и, в основном, будет использоваться далее.

Характерно, что при жизни Ле Корбюзье многочисленность упоминаний монастыря в текстах архитектора не вызвала особого интереса. Лишь в новом тысячелетии, оставившем догмы ортодоксального модернизма в прошлом, данное обстоятельство обратило на себя внимание исследователей. Среди прочих, упомянем статьи М. Таламона [3], М. Эккелли [4] и М. Секейра [5].

Самым известным из юношеских путешествий Шарля-Эдуара Жаннере-Гри (псевдоним «Ле Корбюзье» появляется только в 1921 году) является «путешествие на Восток», описанное Ле Корбюзье в одноименной книге. Но оно не было первым. Свое первое заграничное путешествие Эдуар (именно так его звали родители) предпринял в 1907 году. Оно стало возможным благодаря первому заработку 19-летнего архитектора – гонорару от виллы Фалле, в проектировании и строительстве кото-



^ Рис. 1. Картезианский монастырь в Галуццо. Вид с юго-востока

рой он принял участие как младший партнер архитектора Рене Шапалла.

Путешествие началось в сентябре 1907 года с Италии, за которой последовали Вена, Берлин и, наконец, Париж, в которых юноша задержался на следующие полтора года, пытаясь найти работу, заводя полезные связи и занимаясь в известных архитектурных и художественных мастерских. Картезианский монастырь («чертоза» по-итальянски и «шартрез» по-французски) в Галуццо, как тогда, так и сегодня, не принадлежит к числу популярных туристических аттракций. Корбюзье отправляется туда, чтобы увидеть надгробие кардинала Ачайолли работы Донателло, следуя рекомендациям Джона Рескина, книгами которого зачитывался 19-летний Шарль-Эдуар. Но неожиданно главным впечатлением от этой поездки стала архитектура самого монастыря.

Чертоза-ди-Галуццо – далеко не единственный картезианский монастырь, привлечший внимание Ле Корбюзье. Перед Галуццо он посетил гораздо более известный монастырь – Чертозу-ди-Павия. Позднее по трудам Виолле ле Дюка изучал монастырь в Клермоне. Сохранились фотографии Ле Корбюзье в чертозе Рима. Встает закономерный вопрос: почему именно Шартрез д'Эма, малоизвестный монастырь не самой интересной архитектуры, стал предметом особого восхищения Корбюзье? Представляется, что ответ заключается в его отличии от других картезианских монастырей. Если типичный картезианский монастырь расположен на равнинном участке, то Шартрез д'Эма сооружен на плоской вершине холма (туфового плато), как многие из древних городов Италии, такие как Орвьето, Питильяно или Тоди. В результате из внутреннего двора (кьостро) мы входим на вторые этажи домиков-келий, а первые этажи с садами спускаются ниже. Именно это сообщает архитектуре монастыря так ценимую модернизмом трехмерность, придавая монастырю в Галуццо вид городка. Склоны плато благодаря облицовке приобретают вид городских стен, «увенчанных короной из келий» [7, с. 91] (рис. 1). Именно эта особенность Галуццо, возможно, оказалась созвучной пристрастию Ле Корбюзье к кубистической объемно-пространственной комбинаторике, столь характерной для всего его позднейшего творчества.

Как можно понять из писем архитектора, его привлекало единообразие типовых домиков-келий, рациональность их устройства и скупая простота их интерьеров. Более чем вероятно, что эти аскетичные беленые кельи дали импульс позднему корбюзьянскому «пуризму» с его идеей типизации и чистотой простых поверхностей с преобладанием белого. Однако, когда Ле Корбюзье писал об увиденном им идеале человеческого жилища, гармонично сочетающего возможность уединения с социальностью, «биноме индивидуум-коллектив» [5, с. 16], он вряд ли вполне осознавал строгость картезианского монастырского устава, отнюдь не поощрявшего «роскошь человеческого общения». Во время первого посещения Шартрез д'Эма Ле Корбюзье мог оценить лишь архитектуру пустого здания, поскольку монастырь тогда был ликвидирован.

Можно предположить, что Ле Корбюзье не был равнодушен и к самому феномену картезианского монашества: аскетичная чистота монашеского быта и отношение к труду как религиозному послушанию не были чужды сыну родителей-кальвинистов.

Первый картезианский монастырь, «Великая Шартреза» был основан в 1084 году под Греноблем. Среди послушаний, практикуемых давними обет монахами, упомянем непрерывный пост, затворничество, созерцательную молитву и труд, физический и интеллектуальный. Монахи живут в своего рода добровольном заключении, не выходя из своих «келий» – двухэтажных домиков, каждый со своим садиком, в коем и практикуются в трудолюбии. Общие работы по монастырю выполняются послушниками, еще не принесшими обетов.

Далее мы в хронологическом порядке прокомментируем ряд цитат Ле Корбюзье, демонстрирующих исключительное значение примера Галуццо для творчества архитектора на протяжении всего времени его профессиональной активности. Представленные высказывания Ле Корбюзье не исчерпывают и половины списка упоминаний Шартрез д'Эма в текстах архитектора. В этом смысле Шартрез д'Эма претендует на рекорд среди всех исторических памятников по количеству упоминаний в текстах Ле Корбюзье.

1907 год. Свежие впечатления Ш.-Э. Жаннере от монастыря в Галуццо известны нам из его письма родителям

от 14 сентября 1907г: «Я был вчера в Шартрезе, надеюсь, я вам еще не рассказывал. Там я нашел решение уникального типа жилья для рабочих. Только пейзаж будет трудно повторить. О, эти монахи! Какие счастливики! <...> если они и отринули все мирское, то по крайней мере сумели со вкусом устроить свою жизнь. И более всего они счастливы благодаря видам на окружающий их райский пейзаж» (FLC R1-4-10) [6]. (Эта и дальнейшие цитаты Ле Корбюзье даются по французским оригиналам в переводе автора статьи).

Несколькими днями позже (19.09.1907) он пишет своему учителю Шарлю Л'Эплаттенье: «Монашеская келья в Шартрез д'Эма. Я бы с удовольствием применил его в домах для рабочих, так как жилые помещения [монастыря] полностью независимы. Потрясающее спокойствие; высокая стена могла бы скрыть вид с улицы <...> Ах! Картезианцы! Я хотел бы всю свою жизнь жить в том, что они называют своими кельями. Это решение уникального типа дома для рабочих или скорее земного рая; я напишу Себастьяну Фору, чтобы он [это] осознал» (FLC E2-12-1) [5, p. 4].

Здесь трудность представляет перевод выражения *la maison ouvrière type unique*: его можно понять как «уникальный типовой дом для рабочих», а можно – «уникальная (в значении «новая») разновидность рабочего жилища». Привычные сегодня понятия «типовой проект» и «типовой дом» восходят к корбюзьянскому выражению *maison-type*, близкому по смыслу к *machine à habiter*. Оба выражения, шокирующие в момент своего появления в середине 1920 годов, относятся к концепции жилья как массово производимого фабричного продукта – идеи, без сомнения, в 1907 году еще вполне чуждой Ш.-Э. Жаннере-Гри. Необходимо пояснить, что то, что мы сегодня называем «типовым строительством», существовало задолго до модернизма. Однако слово «типовой» как архитектурно-строительный термин возник лишь в контексте раннего модернизма как результат литературной активности Ле Корбюзье.

1930 год. Из письма матери от 25 апреля 1930 года: «Шартрез д'Эма – это модель жилища, и русские в Москве приближаются к нему, не осознавая этого, в своей новой жилищной программе. Я говорю о Шартрезе в своей новой книге, которая сейчас находится в печати» (FLC R2-1-81) [5, p. 16].

Здесь речь идет о вышедшей в том же году книге «Уточнения о современном состоянии архитектуры и градостроительства», в которой Ле Корбюзье среди прочего пишет: «Позвольте мне показать вам путь, которым в течение двадцати лет прилежного любопытства мы пришли к сегодняшней ясности. Источник этих исследований, по моему мнению, восходит к посещению Шартрез д'Эма в окрестностях Флоренции в 1907 году. В музыкальном пейзаже Тосканы я увидел современный город, венчающий холм. Самый благородный [какой можно себе представить] силуэт на фоне пейзажа, увенчанный рядом монашеских келий; из каждой кельи открывается вид на равнину и [собственный], полностью огороженный сад внизу. Я подумал, что нигде более не встретить такой радостной интерпретации жилища. Задняя часть каждой кельи сообщается дверью и калиткой с крытой аркадой улицей, окаймляющей клуатр. Благодаря этому доступны общие службы – совместная молитва, посещения, общие трапезы, похороны. Этот «современный город» относится к пятнадцатому веку. Это лучезарное видение осталось со мной навсегда. В 1910 году, возвращаясь из Афин, я снова остановился в Шартрезе. Однажды в 1922 году я рассказываю об этом своему коллеге Пьеру Жаннере; на обратной стороне ресторанного меню мы спонтанно нарисовали *immeubles villas*. Так идея была воплощена в жизнь» [7].

Здесь мы видим ценное признание Ле Корбюзье в непосредственном влиянии архитектуры монастыря

в Галуццо на возникновение стержневых для творчества Ле Корбюзье взаимосвязанных концепций: «домов-вилл» и «современного города». Похоже, Ле Корбюзье их здесь отождествляет: задуманный по модели картезианского монастыря *immeuble-villas*, т. е. «здание, состоящее из домов», одновременно является и «современным городом» – трехмерной структурой в равной мере принадлежащей сферам как архитектуры, так и градостроительства.

Заметим, что заявляя о «рождении идеи» в 1922 году, Ле Корбюзье несколько упрощает, умалчивая о том, что «дома-виллы» 1922 года не были первой попыткой использовать Чертозу в качестве проектного прототипа. Первый том *L'Oeuvre complète* открывается проектом *Ateliers d'artistes* 1910 года. Типовые «ателье» на г-образном плане с индивидуальными дворами окружают квадратный «учебный зал», опоясанный галереями, на которые выходят входные двери ателье. Именно здесь была впервые воплощена идея Чертозы с ее г-образными монашескими кельями, окружающими клуатр [8].

Заслуживает внимания и появление в данном контексте «русских». Корбюзье пишет эти слова в период своего активного общения с московскими конструктивистами в ходе конкурса и последующего строительства здания Центросоюза в Москве (1928–1936). В Москве Корбюзье присутствует при проектировании жилого дома Наркомфина (1928–1930, М. Я. Гинзбург и И. Ф. Милинис), рулон синек которого Корбюзье привозит в Париж. Дом Наркомфина, по сути, является пионерским прототипом позднейших «жилых единиц» Ле Корбюзье, о которых речь пойдет ниже.

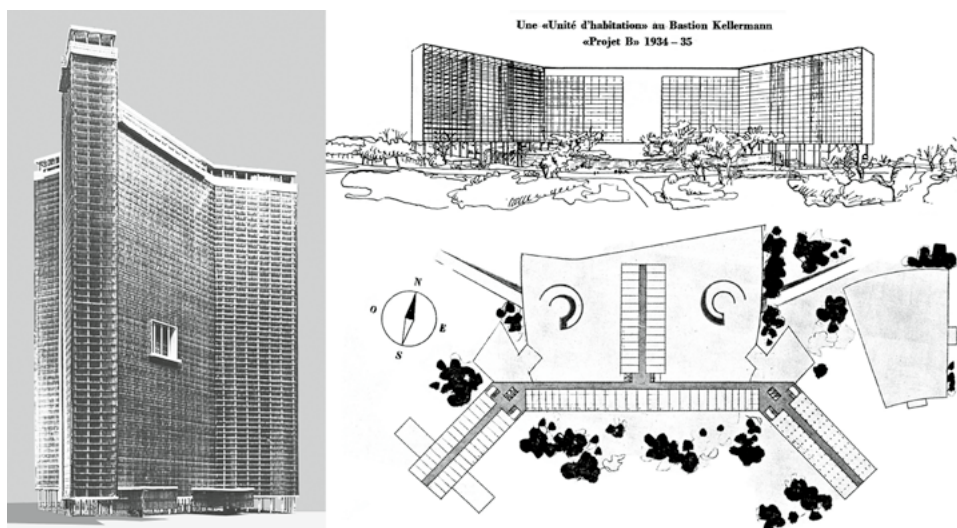
1950 год. «Наш [молодой] человек в 1922 году оставляет архитектуру на шесть лет; он снова начинает строить после того, как [журнал] *L'Esprit Nouveau* в течение в 1920 годов подготовил надежные доктринальные основы для возобновления деятельности. Его новые дома демонстрируют новый подход к архитектуре, отражающий дух эпохи. *Tracés régulateurs* делают фасады (пока только фасады) более ясными. Исследование является сложным и симфоническим: [проект] «Современного города с населением в три миллиона человек», 1922 г., становится новой точкой отсчета для урбанизма. Новые понятия «жилой ячейки», «сети циркуляции» становятся реализацией фундаментального феномена архитектурной организации, который я уже 15 лет ранее ощутил в Шартрез д'Эма в Тоскане (сочетание индивидуальной свободы с коллективной организацией), 1907» [9].

Эта цитата из 1-го тома «Модулора», помимо подтверждения непреходящей актуальности картезианского прототипа, содержит дополнительные доводы в пользу нашей выше высказанной догадки: монастырь в Галуццо был для Корбюзье источником не только архитектурных, но и градостроительных идей: понятие «сети циркуляции» (т. е. дорожного движения) относится к основам корбюзьянского градостроительства – сформулированной в «Афинской хартии» концепции «5V» – «пяти дорог». Таким образом, модернистские концепции функционального зонирования и разделения типов городского движения Ле Корбюзье также связывает с Шартрез д'Эма.

Знаменательно упоминание в данном контексте понятия «жилой ячейки» – еще одного термина, привычность которого сегодня заставляет нас забыть об авторстве Ле Корбюзье. Использование Корбюзье в раннем словосочетании «монашеская келья» и позднее – «жилая ячейка» одного и того же слова (*cellule*) не является простым совпадением: корбюзьянская «жилая ячейка» как терминологически, так (как мы покажем ниже) и морфологически является прямым производным монашеской кельи монастыря в Галуццо.

1953–1958 годы. «Появление темы *Unité d'Habitation* восходит к первому посещению Шартрез д'Эма в Тоскане в 1907 году. Эта тема присутствует в моем

> Рис. 2. Ле Корбюзье. «Картезианский небоскреб» и l'Unité d'Habitation на Бастионе Келлерман.
Проекты 1935 года



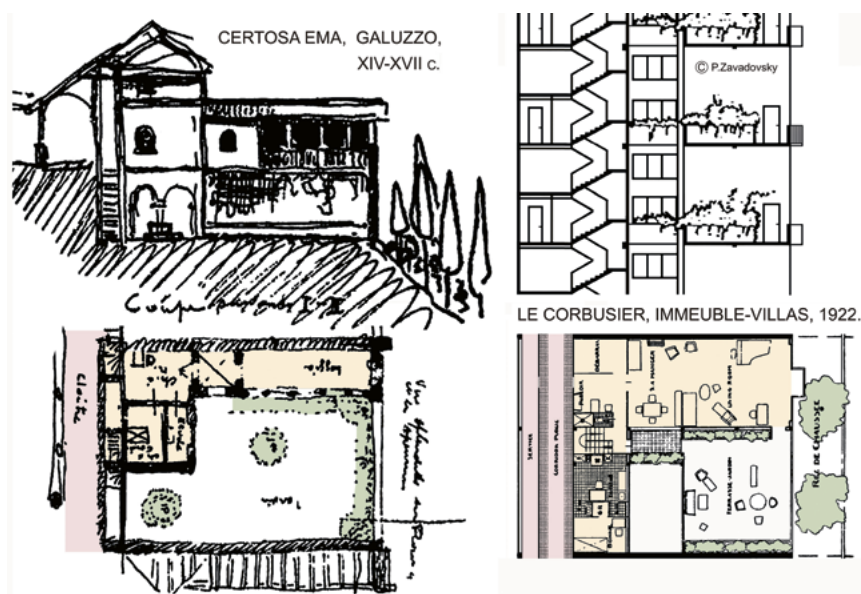
проекте «Современного города с населением 3 миллиона человек» для Осеннего салона 1922 года: les Immeubles-Villas» [10].

Из письма Марку Эриссе от 5 мая 1958 года: «Павильон [l'Esprit Nouveau] представлял собой жилую ячейку «жилой единицы стандартной величины» – идея, зародившаяся в моей голове в Шартрез д'Эма в Тоскане в 1907 году; [это часть проекта] который был предложен в 1922 году (секция градостроительства на Осеннем салоне) как «современный город с населением 3 миллиона человек» (Ле Корбюзье и Пьер Жаннере); [то же решение] демонстрируют «жилые единицы», спроектированные (без реализации) в 1945 году для Сен-Дье и в 1947 году для Ла-Рошель-Паллис, позже построенные в Марселе, Нанте, Берлине и заказанные в настоящее время для Мо и Бри-Ан-Форе» (FLC T1-10-151) [5, р. 16].

Обе цитаты характерны прямым отождествлением ранних «домов-вилл» с поздней «жилой единицей», начального этапа эволюции корбюзьянского жилья с его итогом, несмотря на все очевидные различия этих проектов. Эти и другие подобные признания Мастера находят интересное подтверждение в двух проектах 1935 года. Первый – это проект «картезианского небоскреба» – трехлучевой стеклянной башни на плане, как пишет Ле Корбюзье, «гусиной лапы». Эта новая «модель» офисного небоскреба была призвана сменить своего крестообразного предшественника, характерного для ранних версий «современного города» [11, с. 77–79]. Второй, также неосуществленный проект, – это жилой комплекс на бастионе Келлерман в Париже, спроектированный к Всемирной выставке 1937 года, являющийся уменьшенной версией «картезианского небоскреба» (рис. 2).

В названии именно этого проекта Ле Корбюзье впервые применяет термин l'Unité d'Habitation [11, с. 148]. Что прямо свидетельствует о том, что непосредственная связь между понятиями «картезианский» и «жилая единица» была не только вербальной.

Но все же она далеко не так буквальна, как в случае проекта immeuble-villas 1922 года, который прямо воспроизводит характерные черты Шартрез д'Эма. В 1910 году на обратном пути из Афин Жаннере-Гри снова посещает Галуццо и делает ряд эскизов, из которых до нас дошли план и разрез монашеского домика-«ке-



льи», а также перспективные виды монашеского двора, сделанные с галереи второго этажа.

На рис. 3 сопоставлены эти эскизы Корбюзье с чертежами плана типовой «виллы» и фрагментом разреза «дома-виллы» по дворикам. Двухэтажная «вилла», г-образный план которой окружает дворик двойной высоты (внутренние помещения показаны охрой), узнаваемо воспроизводит монашескую «келью». Прототип Чертозы делает понятным и ранее удивлявшее меня применение Ле Корбюзье галерейной схемы, характерной для дешевого жилья, в фешенебельном «доме-вилле»: галерея здесь является «исполняющей обязанности» монастырского клуатра Шартрез д'Эма, на аркады которого нанизаны вереницы монашеских «келий» (на рисунке коммуникация в обоих случаях обозначена розовой заливкой). Не кажется случайным и сходство габаритов плана «кельи» монастыря и «виллы» immeuble-villas.

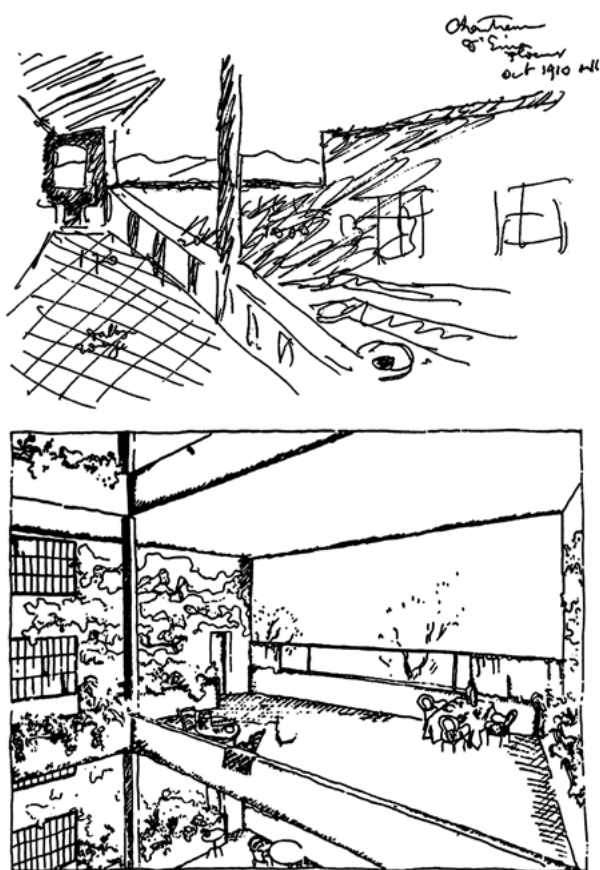
Кроки перспектив вида двора «кельи», похоже, послужили образцом для эскиза перспективы двора «виллы» в проекте 1922 года (рис. 4).

^ Рис. 3. Ле Корбюзье. Слева: наброски разреза и плана монашеской «кельи» Шартрез д'Эма (1910). Справа: «Дом-виллы». Проект 1922 года. Фрагмент разреза по дворикам «виллы» и план первого этажа жилой ячейки

> Рис. 5. Слева направо: дворик «кельи» монастыря в Галуццо, гостиная павильона L'Esprit Nouveau, жилая комната в «Юнит» Фирмини-Верт



> Рис. 4. Вверху: рисунок дворика «кельи» (1910). Внизу: перспектива дворика «виллы» в проекте «Immeuble-villas» (1922)



Более подробное изучение монастыря в Галуццо выявляет и другие параллели архитектуры монастыря и творчества Ле Корбюзье. На фотографиях двориков домиков-келей в Галуццо можно увидеть прообраз характерных для Ле Корбюзье двусветных гостиных с антресолю в глубине, на которую ведет прямая лестница (рис. 5).

На фотографии интерьера кельи мы видим призматический объем с простыми белыми оштукатуренными стенами и одиноким стулом, стоящим у откидной створки шкафа-ниши, служащего столом (ренессансный прецедент излюбленной Ле Корбюзье встроенной мебели). Интерьер вполне отвечает идеалам пуристского жилого интерьера, какой мы видим в доме Ля Рош или павильоне L'Esprit Nouveau (рис. 6).

В архитектуре монастыря в Галуццо можно найти и прототип такого характерного именно для Ле Корбюзье элемента, как оконный проем в экстерьерной стене, кадрирующий вид на окружающий ландшафт. Такие «окна» Ле Корбюзье использовал в построенной для матери «вилле на озере» в Вевере (1923) и на крыше-террасе виллы Савой (1928). В Шартрез д'Эма подобные проемы устроены в торцах лоджий второго этажа монашеских домиков. Снаружи они оформлены ренессансными наличниками и выглядят незастекленными окнами (рис. 7).

В заключение упомянем, что корбюззианские «дома-виллы» напрямую, как мы стремились показать, связанные с Шартрез д'Эма, и по сей день остаются одним из популярных прототипов, влияющих на текущую проектную практику. Идеи «дома, сложенного из домов», как и многосветные «дворики» Ле Корбюзье, разнообразящие монотонные фасады модернистских жилых блоков, продолжают оккупировать воображение современных архитекторов. Подробное рассмотрение современных интерпретаций идей корбюззианского жилища – предмет будущих публикаций. Сейчас же в качестве примера скорее актуального, чем удачного, приведем свежестроенный жилой комплекс «Лайм» на Староалексеевской улице в Москве.



^ Рис. 7. Экстерьерное «окно» в Галуццо и в творчестве Ле Корбюзье: Вилла Савой (1928) и вилла «Ле Лак» в Веве (1923)

Литература

1. Бродский, И. Урания. – Анн-Арбор : Ardis, 1989. – С. 27.
2. Завадовский, П. К. Рождение архитектуры модернизма из духа античности // Проект Байкал. – 2020. – № 17(66). – С. 118–125. – DOI: 10.51461/projectbaikal.66.1728
4. Eccheli, M. G. Le Corbusier, cella con vista sul Novecento, Certosa del Galluzzo // Firenze Architettura. – 2015. – N 2. – P. 38–51.
5. Sequeira, M. Le Corbusier e as casas dos monges brancos // III Encontro da Associação Nacional de Pesquisa e Pós-graduação em Arquitetura e Urbanismo, arquitetura, cidade e projeto: uma construção coletiva, São Paulo. – 2014. – P. 1–25.
6. E. Baudouï, A. Dercelles. Le Corbusier Correspondance. Lettres à la famille 1900–1925. – Paris : Infolio, 2011. – P. 37.
7. Le Corbusier. Précisions sur un état présent de l'architecture et de l'urbanisme. – Paris : Crès, 1930. – P. 91–92.
8. Le Corbusier. L'Oeuvre complète 1910–1929. – Zürich : Girsberger, 1929. – P. 22.
9. Le Corbusier. Le Modulor: essai sur une mesure harmonique à l'échelle humaine applicable universellement à l'architecture et à la mécanique. – Boulogne : Editions de l'Architecture d'aujourd'hui, 1950. – P. 27–28.
10. Le Corbusier. L'Oeuvre complète 1946–1952. – Zürich : Girsberger, 1953. – P. 193.
11. Le Corbusier. L'Oeuvre complète 1934–1938. – Zürich : Girsberger, 1939. – P. 77–151.

References

- Baudouï, E., & Dercelles, A. (2011). *Le Corbusier Correspondance. Lettres à la famille 1900-1925*. Paris: Infolio.
- Brodsky, J. (1989). *Urania*. Ann Arbor: Ardis.
- Eccheli, M. G. (2015). Le Corbusier, cella con vista sul Novecento, Certosa del Galluzzo. *Firenze Architettura*, 2, 38–51.
- Le Corbusier. (1929). *L'Oeuvre complète 1910-1929*. Zürich: Girsberger.
- Le Corbusier. (1930). *Précisions sur un état présent de l'architecture et de l'urbanisme*. Paris: Crès.
- Le Corbusier. (1939). *L'Oeuvre complète 1934-1938*. Zürich: Girsberger.
- Le Corbusier. (1950). *Le Modulor: essai sur une mesure harmonique à l'échelle humaine applicable universellement à l'architecture et à la mécanique*. Boulogne: Editions de l'Architecture d'aujourd'hui.



^ Рис. 6. Интерьер монастырской кельи в Галуццо и фото гостиной павильона L'Esprit Nouveau, восстановленного в Болонье в 1976

- Le Corbusier. (1953). *L'Oeuvre complète 1946-1952*. Zürich: Girsberger.
- Sequeira, M. (2014). Le Corbusier e as casas dos monges brancos. In *III Encontro da Associação Nacional de Pesquisa e Pós-graduação em Arquitetura e Urbanismo, arquitetura, cidade e projeto: uma construção coletiva* (pp. 1–25). São Paulo.
- Talamona, M. I. (2012). I disegni del 1907 della Certosa del Galluzzo. In Talamona Marida (a cura di), *L'Italia di Le Corbusier* (pp. 59–66). Milano: Electa.
- Zavadovsky, P. (2020). The birth of architectural modernism from the spirit of antiquity. *Project Baikal*, 17(66), 118–125. <https://doi.org/10.51461/projectbaikal.66.1728>